

Т.Х. МАРШАЛЛ

СОЦИАЛЬНЫЙ КЛАСС: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*

Для предмета дело оборачивается скверно, когда немногие пишут о нем пространно, а многие коротко. Именно поэтому изучение социального класса находится в столь нездоровом состоянии. Всякая попытка представить общую систематическую социологию непременно содержит главу о социальном классе, научные журналы Европы и Америки пестрят статьями, обсуждающими его природу, спорящими по поводу его определения или даже отрицающими его существование; тем не менее последние годы дали лишь один основательный труд, содержащий попытку всесторонне взглянуть на эту тему, — труд Понтуса Фальбека¹.

Тем временем историки и социологи занимались исследованиями, посвященными как конкретным формам класса (таким, как рабство, каста или пролетариат), так и классовой структуре отдельных обществ². Легко было бы сказать, что именно так и надо подходить к делу, что этим исследованиям надо дать развернуться до того, как будет предпринята попытка синтеза или общего анализа. Однако против этого взгляда есть два возражения.

Во-первых, много труда может быть потрачено даром, если у исследователей с самого начала нет ясного представления о вопросах, на которые они пытаются найти ответы, и, к сожалению, скудное полководье литературных фрагментов на эту тему смогло лишь запутать, но не прояснить суть дела.

Во-вторых, существует смертельная опасность рассмотрения класса в отдельности от других социальных институтов или, хуже того, рассмотрения отдельной формы класса в отрыве от классовой структуры общества в целом.

Некоторые авторы, изучая социальную эволюцию, описывают добавление одного класса к другому таким образом, что при этом предполагается, буд-

* Очерк впервые опубликован в: *The Sociological Review*. Vol. XXVI. № 1. January. 1934. Перевод выполнен по источнику: *Marshall T.H. Social Class — A Preliminary Analysis // Marshall T.H. Citizenship and Social Class and Other Essays*. Cambridge, 1950. P. 86–113.

¹ *Fahlbeck P. Die Klassen und die Gesellschaft*. Есть также небольшое исследование Г. Альбрехта: *Albrecht G. Die sozialen Klassen*. В «Социальной мобильности» П. Сорокина понятие класса в общем смысле отвергается как бесполезное.

² Хороший пример последнего типа исследования: *Geiger Th. Die soziale Schichtung des deutschen Volkes*.

то пришествие нового оставляет неизменным характер и индивидуальность старого³. Классовая теория Маркса базируется на глубоком и всестороннем видении социального процесса, однако это не помешало Энгельсу проследить жизненный путь буржуазии от феодальной до капиталистической эпохи, на протяжении которого она изменила свой личный состав, весь свой характер и свое место в социальной иерархии, но, видимо, сумела сохранить в неприкосновенности свою тождественность на благо будущих историков⁴.

Таковы оправдания моей попытки еще раз проанализировать понятие социального класса. Между тем мы с самого начала сталкиваемся с серьезным затруднением. Если мы начинаем со слова «класс», то мы уже принимаем важные допущения. Мы предполагаем, что раз уж это слово широко и с пользой употребляется, то оно должно выражать поддающееся определению понятие. Мы можем окинуть взглядом все объекты, которые оно обычно обозначает, и прояснить это понятие, вычленив их общие характеристики. Затем мы можем дать волю своей изобретательности и сочинить определение, которое охватило бы все известные разновидности; при этом мы ведем себя точь-в-точь как международная конференция, приходящая к единодушному мнению с помощью какой-нибудь формулы. Этот процесс, если так грубо его описать, предстает во всей его очевидной тщетности. Однако встряхнуться и совершенно избавиться от тирании слов — дело нелегкое.

Мы можем проследить эту тиранию слов в работе Роберта Михельса, который тратит много времени на тщетные поиски удовлетворительного критерия и отвергает по очереди один за другим⁵, а также в работе Пауля Момберта, который настаивает на полном определении и в силу этого подчеркивает второстепенные сходства в ущерб действительно важным⁶. Определение такого рода имеет низкую эвристическую ценность, поскольку не включает ничего сопоставимого с тем, что оно включает.

Альтернативный способ состоит в том, чтобы подойти к делу с другого конца, отталкиваясь от фактов, используя слово «класс» как всего лишь указатель общего направления наших исследований, и классифицировать релевантные наблюдаемые феномены на основе сходств и различий, значимых для социального анализа, не заботясь о том, будут итоговые понятия обладать именами или нет.

Если таких имен не существует, мы можем их изобрести. Если принять этот метод, то можно будет законным образом начать с изучения какого-ни-

³ См.: *Feüzer T. (Geiger Th. Zur Theorie des Klassenbegriffs)* в шмоллеровском *Jahrbuch* (Bd. 54. S. 390), в которой он критикует Фиркандта за впадение в эту ошибку. См. также: *Гумлович Л. Основы социологии*. СПб., 1899. Гл. 3. § 2.

⁴ См. «Введение» в: *Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения*. Изд. 2. Т. 19.

⁵ *Michels R. Beitrag zur Lehre von der Klassenbildung // Archiv für Sozialwissenschaft*. Bd. XLIX.

⁶ *Mombert P. Zum Wesen der sozialen Klasse // Hauptprobleme der Soziologie*. S. 244.

будь одного общества, которое покажется нам подходящим, и при этом на нас не ляжет вина за грех, в котором Момберт обвиняет Зомбарта, — грех определения общего понятия «класс» с помощью данных, взятых из одного-единственного случая. Универсальность описываемых явлений остается под вопросом до тех пор, пока не проверена в сравнении. Тем не менее анализ частного примера может принести результаты, пригодные к общему применению, если интерпретировать его не просто с точки зрения внешней формы, но в соотношении с фундаментальными социальными функциями и социальными отношениями.

Давайте возьмем в качестве указателя не просто «класс», а «социальный класс», и в качестве частного примера — современную Англию. Исследователь, выбирая для изучения собственное общество, имеет возможность использовать как ориентир в своем анализе знание, почерпнутое из интуиции и наблюдения. Социальный класс — это феномен, который он напрямую переживает в личном опыте как силу, присутствующую в его собственной жизни. Он может уверенно сказать, чем тот не является. Он может сформировать рабочую гипотезу о том, что тот собой представляет. В этом и состоит задача настоящей статьи. Может быть, и не нужно еще раз поминать современную Англию, но весь анализ будет строиться исходя из моего знания того общества, в котором я живу. Моя цель — описать факт, а не определить слово, но при этом описать его путем разложения на более простые понятия, на фундаментальные социальные принципы, которые могут служить инструментами для более широких исследовательских операций. Когда в этой статье я говорю о социальном классе, его следует понимать в этом ограниченном смысле.

Важно представить себе, какое большое число различных групп должно быть исключено, прежде чем мы придем даже к самому широкому пониманию класса. Дело не ограничивается исключением естественных или статистических групп, которые не имеют социальной значимости, а также родственных групп, локальных сообществ и религиозных и политических организаций⁷. Мы не включаем и таких весьма значимых классов, как замужние женщины, лунатики, пожилые пенсионеры и автомобилисты. Между тем нелегко объяснить, почему они должны быть вынесены за пределы рассмотрения, если профессиональные группы помещаются в список просто потому, что они являются заметными социальными агрегациями.

Отмару Шпанну явно не удастся ответить на этот вопрос, и его статья «Klasse und Stand»⁸ оказывается фактически посвящена таким социальным группам, которые волей случая покоряют его воображение. Метод каталогизации

⁷ См. определение Шмоллера, начинающееся с перечисления исключенных групп (*Schmoller G. Die soziale Frage. S. 142*).

⁸ *Spann O. Klasse und Stand // Handwörterbuch der Staatswissenschaft.*

зации различных оснований, на которых могут базироваться подобные группы — таких как собственность, род занятий, политическая власть и т.д., — обречен быть иллюстративным, но не исчерпывающим, и после его применения остается неясный и неопределенный остаток, который содержит в себе именно ту форму группировки, которую мы, руководствуясь указателем «социальный класс», ищем в современной Англии.

Так каковы же те свойства, которые, как мы знаем, принадлежат этому феномену, который мы желаем описать и проанализировать?

Во-первых, он представляет иерархическую социальную стратификацию. Он связан с вертикальной, а не горизонтальной социальной дистанцией. Профессиональные группы (по-немецки *Berufsstände*), которых на одном уровне может быть две, три или много, должны быть исключены. Они имеют огромное социальное значение и могут играть роль в формировании социального класса, но сами они представляют из себя нечто иное.

Во-вторых, иерархия (отношение подчинения и господства) базируется не только на естественных различиях. Она требует социального признания. Природное превосходство лидера над последователем не относится к природе социального класса. Почтение низшего перед высшим, хотя и связано с социальной функцией, является прямым и самопроизвольным, а не вынужденным и конвенциональным.

В-третьих, есть в этой группировке некое постоянство, так что человек, принадлежащий к некоторому классу, остается в нем, если только, как говорят в народе, «с этим что-то не сделать», в отличие от возрастных групп, между которыми мобильность происходит автоматически.

Смысл последних двух тезисов необходимо прояснить дальше. Третий тезис не вытекает логически из второго; это отдельное наблюдение. Общество может признавать основой иерархии возраст; некоторые общества так делают. Но в нашем обществе социальный класс понимается как нечто устойчивое. Это относится к самой его сущности и радикально дифференцирует его от системы старшинства. Следовательно, мы должны спросить, что же собственно означает социальное признание. Просто ли это формальное признание существовавшего заранее факта, вроде пробы на золоте, или продиктованное волей присвоение нового качества, вроде оттиска на гинее?

И если верно первое, то являются ли эти факты, эти знаки социального класса атрибутами, которые индивид в нормальном случае имеет резонный шанс приобрести собственными усилиями? Ясно, что общество далеко не так свободно в наделении классовым статусом, как монарх в присвоении ранга и титулов, хотя и от монарха ожидается, что он будет принимать во внимание заранее существующий факт заслуги. Индивиды сплошь и рядом классифицируют себя исходя из обладания определенными атрибутами.

Но даже в этом случае признание — не просто пробирное клеймо. Общество опознает буржуа не в том смысле, в каком энтомолог опознает жука,

а эксперт по скрипкам — скрипку Страдивари. Признание предполагает допуск к определенным социальным отношениям, а, следовательно, если использовать специфический термин Макса Вебера, предложение некоторого *Lebenschance*⁹. Мы не должны интерпретировать это, как делает он, в чисто экономическом смысле, т.е. как описание позиции индивида по отношению к рынку.

В такой же степени речь может идти и о социальной возможности. Социальный класс как нечто отличное от технического и финансового оснащения может влиять на экономический *Lebenschance* индивида. Он может воздействовать на выбор им определенных видов занятий. Землевладелец может отвергнуть совершенно платежеспособного арендатора как нежелательного единственно на основании его класса, который он считает показателем его вероятного поведения. Кроме того, класс оказывает гораздо более общее влияние, определяя открытые перед индивидом возможности общения, брака, социального смещения и допуска во всякого рода ассоциации.

Следовательно, я утверждаю, что если мы мыслим социальный класс как группу, основанную на некотором сходстве ее членов, то мы должны рассматривать его не как группу лиц со схожими внутренними или внешними атрибутами, а как группу лиц со схожими социальными шансами. В основе социального класса лежит то, как к человеку относятся другие люди (и как, соответственно, он относится к ним), а не качества или собственность, служащие причиной этого отношения. Было бы возможно и, пожалуй, полезно сгруппировать людей просто на основе их установок, не спрашивая о том, как эти атрибуты повлияли на их социальные отношения, но в итоге мы получили бы исследование социальных типов, а не социальных классов.

Следовательно, социальное признание является важным фактором, даже несмотря на то что в огромном множестве случаев социальный класс человека явно определяется обстоятельствами его жизни. Последние можно разделить на опыт, среду и воспитание, сформировавшие его характер и привычки в детские и юношеские годы, и внешние активы, умения и знания, которые он может приобрести позже собственными волевыми усилиями. Считается, что основой социального класса служат первые качества, относительно неизменные, однако свою долю влияния оказывают и вторые. Они могут претендовать на признание, хотя и не могут его требовать.

Так, богатство иногда само по себе обеспечивает прямой доступ в высшие слои общества. Еще чаще ему позволено считаться компенсацией тех недостатков в прирожденных личных качествах, которые свойственны членам этого класса. Однако основное назначение богатства — покупка среды, которая по истечении достаточного количества времени произведет нужные прирожденные качества. Этот факт еще более повышает значимость соци-

⁹ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft* (Ч. III. Гл. 4).

ального признания, которое может определять, сколько веса будет даваться тем знакам классовой принадлежности, которых легче всего достичь и которые можно правдоподобнее всего имитировать.

Этот взгляд предполагает отказ от чисто объективных теорий, которые рисуют класс автоматически заданными определенными критериями, прежде всего богатством и родом занятий, а также от чисто субъективных теорий, согласно которым человек принадлежит к тому классу, принадлежность к которому он чувствует, чье классовое сознание он разделяет¹⁰. Приверженцы последней теории склонны говорить, что человек может войти в класс, приняв характерные для него взгляды и став защитником его интересов.

Следовательно, они согласились бы с Фердинандом Теннисом в том, что идеальным типом класса является партия¹¹, а с Теодором Гейгером — в том, что пролетариат включает сочувствующих интеллектуалов-социалистов¹². Я же предположил, что объективность класса состоит не в критериях, которые его отличают, а в социальных отношениях, которые он производит, а его субъективность — в базовой потребности во взаимном осознанном признании.

Следующее положение, опять же, не вывод из какой-либо посылки, а плод наблюдения. Есть много принципов, по которым общество может делиться на группы. Есть несколько групп, по которым оно может стратифицироваться на слои. Но социальный класс — единый принцип, который может производить только один результат. Он пронизывает собой все сообщество, и его применение дает единую схему размещения, теоретически отводящую место каждой составной части целого. Кому-то может казаться, что ясно выраженные классовые группы существуют только на вершине и на дне общества, но не в середине.

Однако мы знаем, что социальный класс проникает в жизнь каждого члена сообщества, ибо наше общество обладает классовой системой. Оно признает эту форму дифференциации как силу, воздействующую на социальное поведение и социальные возможности. Правда, это положение, особенно если его применить к другим обществам, а не к нашему, приносит не вполне стройные результаты, однако этой причины недостаточно для того, чтобы его отбросить.

Например, трудно говорить, что классы крестьян-собственников и городских буржуа могут быть помещены в единую социальную шкалу, один над другим, хотя при этом ясно, что они соответствуют одному и тому же принципу классификации. Ответ звучит так: они — результаты применения одного и того же принципа к разным сообществам. Организованное общество имеет федеральный характер: внутри более крупного сообщества существу-

¹⁰ Классификацию теорий по этому основанию см.: *Mombert*. Op. cit.

¹¹ *Tynnes F.* Stände und Klassen // *Handwörterbuch der Soziologie*.

¹² *Geiger Th.* Zur Theorie des Klassenbegriffs. S. 421 et seq.

ют меньшие сообщества. Чем разнороднее более крупное сообщество, тем меньше вероятность того, что оно будет иметь простую классовую структуру. В таком случае мы можем сказать, что имеется национальная классовая система, но только в том смысле, что класс является элементом жизни всех националов, а не в том, что есть национальные классы.

Бывает и еще сложнее. Вполне возможно, что будет *всего один* национальный класс, аристократия, единственная группа, достигшая национального единства, однако при этом она будет продуктом классовой системы, пронизывающей все общество в целом. В этой мысли нет ничего зазорного, и мы не должны пытаться навязать нашему предмету ясность и симметрию, которыми он по своей природе не обладает.

Из этого понимания социального класса как стратификации сообщества вытекают и другие важные следствия. Вспомним, в каком смысле употребляет термин «сообщество» профессор Макайвер. «Признаком сообщества, — пишет он, — является то, что жизнь человека *может* быть прожита целиком в его пределах, так что все социальные отношения человека *могут* быть обнаружены внутри него»¹³. Здесь справедливо подчеркивается тот факт, что к сообществу имеют отношение человеческие деятельности, считающиеся не просто средствами, а жизненными целями.

Очевидно, что одна и та же деятельность часто или даже обычно фигурирует в обеих категориях, однако эти два аспекта ведут к разным ментальным ориентациям и разным социальным паттернам. Многие культурные ассоциации существуют для преследования специальных целей, но сообщество преследует все эти цели. Социальный класс как секция сообщества сохраняет это существенное свойство. Для прояснения сути дела приведем пару примеров. Во всех обществах социальный класс связывается с выбором родов занятий, т.е. с экономическими средствами, но эта связь обеспечивается конвенциональным видением того, как человеку в данном общественном положении подобающим образом «себя занять». Род занятий рассматривается здесь как цель, как часть целостного паттерна человеческой жизни.

Если мы оглянемся на то время, когда джентльменам не подобало заниматься торговлей, то сможем увидеть, что дело обстояло так вовсе не потому, что торговля была неадекватным средством обеспечения дохода, необходимого для поддержания жизни джентльмена, а потому, что сама торговля считалась несовместимой с идеальным образом того, какой жизнь джентльмена должна была быть.

Если к социальному классу имеют отношение *все* цели, то из этого следует, что он должен быть бисексуальным, ибо невозможно вообразить жизнь совершенного сообщества, в котором были бы только мужчины или женщины. Наблюдение подтверждает этот вывод. Группа мужчин, наделенных

¹³ *McIver R. Society, its Structure and Changes. P. 10.*

рангом или титулами, обладать которыми имеют право только мужчины, может играть важную роль в образовании классов, но сама социальным классом не является.

С точки зрения наших интересов, значимая группа, создаваемая английским пэрством, состоит не из мужчин, заседающих в Палате лордов, а включает их семьи и родственников обоих полов в пределах нескольких степеней свойства. «Профессиональный класс» не совпадает в своих границах с членским составом профессий. Везде, где женщины получают свое социальное положение от отцов и мужей, социальный класс действительно определяется статусом мужчин, однако состоит он не из мужчин. Мы не можем принять общеизвестное обобщение, что класс тяготеет к эндогамии, а также говорить в буквальном смысле о военном классе, поскольку очевидно трудно достичь эндогамности армии.

Можно выразить это простыми словами, сказав, что подлинной единицей социального класса служит семья. Об этом уже говорил Йозеф Шумпетер, но он не развивает свое утверждение дальше и, видимо, в дальнейшем совсем от него отказывается¹⁴. По-видимому, он имеет в виду тот важный факт, что, каким бы мобильным ни было общество, каждый ребенок, родившись, классифицируется обстоятельствами своего рождения. Это еще более укрепляет нас в отказе как от чисто субъективного взгляда на класс, так и от объективного взгляда, напрямую связывающего его с прирожденными качествами индивида.

Новорожденное дитя не имеет классового сознания, да и прирожденных качеств, с социальной точки зрения, у него никаких нет; и тем не менее нет никаких сомнений, что он принадлежит к классу и что этот факт определяет его *Lebenschance*. Еще важнее запомнить (по причине того, что это легко вылетает из памяти), что социальный класс воспроизводит качество семьи как формы ассоциации, предназначенной для удовлетворения неспециализированных социальных целей.

Иногда говорят, что силой, объединяющей социальный класс, является «сознание рода». Гиддингс употреблял это выражение в точном, но совершенно другом значении¹⁵. Если отбросить его интерпретацию, то вся тяжесть ляжет на слово «род», и тогда мы предлагаем синоним, а не определение. «Род» — всего лишь тот особый род сходства, на базе которого строятся социальные классы, а не профсоюзы, литературные общества, политические партии или ассоциации в пределах графств. Мы должны попытаться найти что-то лучшее.

¹⁴ *Schumpeter J. Die sozialen Klassen im ethnisch homogenen Milieu//Archiv für Sozialwissenschaft. Bd. LVII. S. 12. Sp.: S. 29.*

¹⁵ *Giddings F. Principles of Sociology. P. 17, 124–131. (Гиддингс Ф. Основания социологии. СПб., 1898.)*

Социальные связи могут классифицироваться как базирующиеся либо на различии, либо на сходстве. Различие объединяет, создавая возможности для оказания взаимных услуг. Сходство объединяет в наиболее явном случае через осознание общего интереса, а в наименее явном — как представляющее собой простейшую противоположность изоляции.

Различие изначально предполагает пары, такие как муж и жена, врач и пациент, мастер и ученик. Сходство, в свою очередь, предполагает группы, такие как национальности, профессиональные ассоциации или примитивные возрастные группы. Взаимная пара может быть расширена путем введения других попутно действующих различий, например, путем добавления ребенка к мужу и жене или медсестры к врачу и пациенту. Просто умножив численность обеих сторон взаимной пары, мы получим две взаимные «группы похожих», или идентификационные группы (*identity groups*), как мы будем кратко их называть, например, когда мастер и ученик вследствие расширения становятся преподавательским составом и студентами.

Наличие взаимной пары обычно предполагает базовый элемент идентичности. Брак есть союз разных полов, но обычно он строится на расовых и культурных сходствах. Взаимная пара обретает форму в пределах более широкой идентификационной группы. И тем не менее видно, насколько скудным может быть этот базис, если принять во внимание, насколько сильно отношение между врачом и пациентом напоминает отношение между ветеринаром и лошадью.

Этим выявляются две функции идентификационной группы. Она может быть необходимым фоном для образования взаимных связей, либо она может быть половиной многолюдной взаимной пары. Возьмем для примера типичный лондонский клуб. Ясно, что его члены объединены идентичностью пола, класса и общей культуры, но если бы они были во всех отношениях идентичны, дело обстояло бы исключительно глупо. Задача клуба — не просто утолить чье-то желание повращаться среди репродукций самого себя (хотя такое желание есть), а извлечь пользу из тех мелких различий в персональных характерах, вкусах и мнениях, которые обнаруживаются в однородной в иных отношениях среде.

Таким образом, с точки зрения своей задачи клуб самодостаточен и организован не для сотрудничества или конкуренции с внешними для него организациями. С другой стороны, профсоюз, хотя и использует различия в способностях своих членов к организации и лидерству, является как орган коллективного торга организацией, в которой члены становятся столь же недифференцированными, как единицы в математических расчетах, а вся энергия группы фокусируется на ее взаимных отношениях с другой группой, для нее внешней.

Итак, ясно, что всякий смысл сходства в пределах группы предполагает сознание отличия от тех, кто не включен в группу. В случае клуба это продукт

сравнения, в случае профсоюза — продукт контактов в отношениях с другой стороной. Из этих двух типов групп — идентификационных групп, которые используют второстепенные различия для достижения взаимной выгоды и признают свою идентичность посредством сравнения с теми, кто находится вне их, и идентификационных групп, которые организуются для осуществления контактов во взаимоотношениях с одной или несколькими иными группами, — социальный класс относится к первому типу. Нередко он приобретает вдобавок к этому и характеристики второго.

Тем не менее группа второго типа, у которой отсутствуют характеристики первого типа, не является социальным классом. Рабочий класс, являющийся реальной сферой всевозможного рода социальных взаимодействий, может настолько остро осознать антагонизм между собой и капиталом, что будет претендовать на включение во второй тип. Но при этом он остается социальным классом. Организация рабочего класса, состоящая, быть может, из одних мужчин, которая занимается исключительно отстаиванием его интересов в борьбе с капиталом, принадлежит скорее к категории партий. Это различие можно перевести в понятия, используемые Макайвером и другими, сказав, что социальный класс базируется скорее на сходстве установок, нежели на тождестве интересов.

Из всего, что до сих пор было сказано, вытекает, что социальный класс произведен от целостной социальной личности индивида, а не от какой-то ее грани, вроде особого технического оснащения или интересов, им создаваемых. Социальный класс — это человеческая агрегация, которая не подверглась тому расколу индивидуальности на ассоциативные элементы, тонкий анализ которого предложил Зиммель¹⁶. Каждый член отражает в микрокосме своей личности многогранный образ своего класса. Лояльность классу есть в некотором смысле лояльность самому себе. Классовое сознание сродни сознанию национальности, но национальность не специализация: в отличие от профессии, дохода или веры, она не может быть мысленно отделена от целостной личности.

И все-таки класс поддается изменению. В пределах одного поколения перемещение (из одного класса в другой) не выходит за рамки возможного; в пределах двух поколений оно — обычное дело. Следовательно, классовое сознание может сочетаться с амбицией к росту или со стремлением дать подниматься собственным детям. Это привело к утверждению, что *нелояльность* — характерная черта социальных классов¹⁷. Это ошибочное обобщение. Скорее отличительной чертой является подчеркнутая эгоистичность классового сознания. Поведение индивида обусловлено его классом, но он ведет себя не

¹⁶ *Simmel G. Soziologie* (гл. 6).

¹⁷ *Sulzbach W. Die 'Klasse' und der Klassenkampf // Archiv für Sozialwissenschaft. Bd. LXIII. S. 305–306.*

как его представитель и вовсе не совершает предательства, когда стремится его покинуть.

Слово «представитель» может породить путаницу, поскольку имеет два значения. Мы можем говорить, что человек «представляет свою группу», имея в виду, что он для нее типичен. Но говоря, что он «представитель своей группы», мы подразумеваем, что он выполняет в отношении нее функцию, заключающую в себе подчинение его индивидуальности общему делу. В первом случае он есть всего лишь он сам, но его Я может быть легко с чем-то сопоставлено. Во втором случае он есть что-то еще, кроме самого себя, а также что-то меньшее, нежели он сам. Когда двое чужестранцев встречаются в мирной беседе, на их установки оказывают сильное воздействие их разные национальности, и это различие они оба сознают.

Тем не менее взаимоотношение между ними целиком личное, а национальность выражает себя через созданного ею индивида. Они встречаются как продукты, а не как представители своих социально-групповых окружений. Но когда двое чужестранцев встречаются как враги на войне, каждый видит в другом и за другим образ группы, которую тот представляет. Это встреча двух конфликтующих интересов, двух фрагментов личностей, двух точек, лежащих на периметрах двух гораздо более крупных целостностей.

Социальные классы тоже могут находиться в состоянии войны — как в мысли, так и в действии, — и тогда мы имеем тот же результат. Однако фундаментом социального класса, проглядывающим сквозь поверхность такого осознанного антагонизма и часто существующим без него, является факт «представительности» в более широком и менее специализированном смысле.

Многие авторы пытаются прояснить природу классов, приписав каждому из них определенные атрибуты. Средние классы отличаются пуританством, капиталисты склонны к стяжательству, крестьяне консервативны и т.д.¹⁸ Такие фразы не дают нам определения. Они не означают, что, в строгом логическом смысле, средний класс имеет коннотацию с пуританством, а крестьянство — с консерватизмом. Нет вместе с тем и намерения утверждать, что если человек не консервативен, то он не может быть крестьянином. Все сводится к неясному указанию на характеристики, обнаружения широкого присутствия которых можно ожидать в группе, существование и общие границы которой приняты как детерминированные другими критериями. Те, кто соотносит каждый класс не с абстрактными качествами, а с внешними фактами, такими как доход или род занятий, обычно употребляют эти понятия столь же неясным образом. Если эти понятия употребляются в точном значении — насколько это возможно, — как коннотации классового наименования, результатом становится идентификация групп, которые могут иметь

¹⁸ См., например, «Социальные классы» Артура Бауэра (*Bauer A. Les classes sociales*), где представлен весьма наивный пример применения этого метода.

огромную социальную значимость, но которые не тождественны феномену социального класса, как он понимается в этой статье¹⁹.

Итак, если такого рода выражения, как «крестьяне консервативны» или «англичане любят игры», не указывают на коннотации, то что они означают? Они могут быть произвольными высказываниями о том, что таковы атрибуты большинства членов группы. Но говорить, что «англичане любят игры», из-за того, что большинство среди них спортсмены, едва ли не так же глупо, как говорить, что «англичане — женщины», в силу того, что женщины составляют большинство населения Англии. Социологию интересуют не пропорции, а взаимоотношения и поведение, из них вытекающее.

Между тем приведенные слова могут быть нацелены и на передачу иной идеи; они могут означать, что любовь к играм распространена в Англии достаточно широко, чтобы наложить отпечаток на обычное и институциональное поведение общества. Она оказывает влияние не только на любителей игр, но и на тех, кто спортом не занимается. Она является частью социальной среды, с которой они все вступают в контакт. В этом случае мы выдвигаем не качественное суждение о каждом индивиде и, следовательно, количественную оценку результатов; мы выдвигаем единичное качественное суждение об обществе.

Это суждение, которое можно проверить и которому можно придать точность посредством более детального исследования того, как это пристрастие к спорту воздействует на общий паттерн социального поведения. Тем самым наше внимание переключается с понятия о группе лиц, похожих друг на друга любовью к спорту, на понятие о страсти к играм как силе, действующей на протяжении всего общества. Группа может быть реальностью, но это не вся реальность, и у нее отсутствуют четкие границы.

Иллюстрацию, более близкую к нашей теме, можно найти в социальной значимости возраста. В некоторых обществах возраст лежит в основе иерархии групп, имеющих социальные функции и особые связи друг с другом, которые влияют на поведение индивидуальных членов. В нашем обществе нет такой системы групп, однако возраст является фактом, которому придается некоторое социальное значение, так что он оказывает влияние на социальное старшинство, права на собственность, притязания на служебное продвижение и многие другие вещи. На каждом уровне имеется большое, хотя и неопределенное число лиц, которые сознают свое сходство в этом отношении и тем самым соединяются — или соединились бы, если бы встретились, — в нечто вроде возрастной группы.

Однако такие группы всего лишь случайны. На некоторых избранных уровнях проводятся более резкие границы, создавая такие группы, как дети,

¹⁹ Это ясно осознается Момбертом в его статье: *Die Tatsachen der Klassenbildung // Schmoller's Jahrbuch. Bd. XLIV*, — в которой он пытается провести статистическое исследование мобильности.

взрослые и пенсионеры. Но такие группы составляют только половину дела. Тот же самый принцип, возраст, которые создает их, действует также и *внутри* них, создавая более тонкие расслоения.

Так же обстоит дело с социальным классом. Имеется общий стандарт более высокого и более низкого положения, который действует на протяжении всего сообщества, внося вклад в детерминацию для каждого индивида его отношений с другими индивидами и его доступа к социальным и экономическим возможностям. На каждом уровне есть некоторое множество лиц, которые признают — или признали бы, если бы встретились, — свои объективные сходства. Можно считать, что они образуют группу, но при этом легко преувеличить значимость такого понятия.

Во-первых, членский состав флуктуирует и не имеет четких очертаний, причем сомнительно, можно ли его установить хотя бы теоретически.

Во-вторых, в силу того, что социальный класс предполагает осознание положения относительно других лиц, т.е. осознание социальной дистанции, ни одна группа не оказывает никакой реальной помощи в его прояснении, если только она не состоит из лиц, в которых это осознание принимает форму признания членства в группе.

Такая группа обладала бы характером квази-ассоциации, а он не обязательно присущ социальному классу. Вернемся к аналогии: я знаю, что есть другие люди такого же возраста, как я, которых можно было бы считать группой; я узнаю их, когда мы встречаемся, и этот факт оказывает воздействие на мое поведение; но мое осознание возраста как фактора социального поведения не принимает форму чувства групповой принадлежности. Именно личное сознание направляет мое поведение в каждой ситуации, в каждом взаимоотношении, когда оно возникает. Существование группы скорее выводится умом, чем чувствуется.

Несомненно, всякое сознание класса содержит в себе большее ощущение группы, нежели в этом случае, но, вероятно, сильнее всего это ощущение переживается в отношении разделения общества на три или четыре основных страты: высший класс, высший средний, низший средний и низший класс. И отождествление их как групп не может дать полной и исчерпывающей картины, ибо тот самый принцип класса, который их создает, действует также внутри них, производя более тонкие дифференциации.

Подведем итог: может быть, в нашем обществе и невозможно выявить каких-либо определенных групп, которые можно было бы назвать социальными классами и которые бы не смешивались и не пересекались друг с другом. Это не значит, что класс приходит в упадок или становится незначительным фактором в нашей социальной жизни. Выбор наиболее очевидных объективных критериев может показать нам только потенциальные, а не действительные социальные группы.

Отсюда не следует, что класс — это всего лишь потенциальная сила. Профессор Сорокин отвергает класс как миф социологов²⁰. Другие заявляют, что единственный настоящий класс, существующий сегодня, — пролетариат. Фон Визе призывает на помощь причудливое понятие «абстрактной массы» (*die abstrakte Masse*), обозначающее группу, которая еще не является группой, но содержит в себе потенциальные возможности совершения общего действия²¹.

Я предпочитаю подчеркивать институциональный характер класса, в противовес ассоциационному характеру классов, и мыслить его скорее в категориях силы, нежели в категориях групп. Он институционален в том смысле, что является социальным принципом, который вдавливает индивидуальное поведение в социально детерминированные формы и производит единообразия поведения в тех, кто следует обычаю. Возможно, этот взгляд включает в себе лишь разницу акцентов, но ценность его состоит в том, что он оберегает нас от недооценки важности этой силы класса в обществе, в котором нет никаких определенных классов, и избавляет от массы бесполезного труда и многих пустых споров тех, кто упрямо пытается отыскать подлинные признаки этих социальных групп²².

Остается очень коротко разобраться в отношении между понятием социального класса, описанным выше, и классовой теорией Карла Маркса. Для Маркса класс — главная динамическая сила в процессе социального изменения. Он возникает из отношений, присущих системе производства. Эти отношения меняются во времени и являются многочисленными для каждого отдельного периода. Маркс выделял в Европе XIX в. несколько классов, в

²⁰ [Примечание, добавленное в 1949 г.]: В своей недавно выпущенной книге «Общество, культура и личность» (*Sorokin P. Society, Culture and Personality*. P. 293, note) профессор Сорокин говорит, что мое истолкование его позиции «как отрицающей существование социальных классов» — «грубая неточность». Он настаивает, что социальный класс — «одна из многосвязных групп и стратификаций». Я согласен, что моя краткая ссылка на его теорию неверна, и приношу свои запоздалые извинения за то, что написал 15 лет назад. Я полагался на общую трактовку этого предмета в «Социальной мобильности» и, в частности, на пассаж, содержащийся на с. 18, который начинается так: «Вот почему я не использую термин «социальные классы» в общем смысле и предпочитаю говорить отдельно об экономических, профессиональных и политических стратах, или классах». Далее профессор Сорокин отвергает целый ряд определений термина «социальный класс» в общем смысле, как бесполезных и создающих путаницу, и подтверждает свое предпочтение изучать три вида стратификации по отдельности.

²¹ *Sorokin P. Social Mobility*. P. 18; *Sulzbach*. Loc. cit. S. 299; *Pesl L.D. Mittelstandsfragen // Grundriss der Sozialökonomik*. Pt. IX. Vol. I; *Saunders C., Jones C. Social Structure of England and Wales* (гл. 6); *Von Wiese L. System der allgemeinen Sociologie* (Ч. III. Гл. 2, 6).

²² *Duprat G.L. Soziale Typen oder soziale Klassen? // Jahrbuch für Soziologie*. Bd. I. Дупрат выдвигает теорию, в чем-то похожую на эту, но более бескомпромиссен в отрицании существования классов как групп.

частности землевладельцев, крупную буржуазию, мелкую буржуазию, пролетариат и люмпен-пролетариат²³.

Согласно марксистской диалектике, прогресс протекает революционно. Каждая система движется к качественному совершенству и в то же время производит собственное отрицание, вызывающее резкое качественное изменение и прорыв в нечто новое и иное. В своем совершенном состоянии она находится под главенством одного взаимоотношения²⁴: между господствующим классом, который навязывает свою идеологию всему обществу, и подчиненным классом, который необходим ему как инструмент для достижения его целей, но который в конечном счете его уничтожит. Одни только эти классы являются «революционными»²⁵. Такова природа той резкой социальной дихотомии, к которой, как утверждалось, движется капиталистическое общество. Когда происходит революционный кризис, он вытекает из осознанного антагонизма двух групп, имеющих характер квази-ассоциаций.

Итак, ясно, что важнейшим элементом этой теории является концепция производственных отношений как сил, определяющих жизненную ситуацию индивидов. Поскольку много людей вовлечено в похожие взаимоотношения, они образуют опознаваемые группы, однако поначалу эти группы имеют лишь статистический характер. Капитал создает массу людей, находящихся в общей ситуации, и «эта масса является уже классом по отношению к капиталу, но еще не для самой себя». В борьбе масса объединяется, образуя «класс и тем самым политическую партию»²⁶, но эту реальность в качестве группы она обретает только тогда, когда перестает соответствовать взаимоотношению, которое ее создало. Пролетариат отличается некой установкой, политикой, идеологией, которая может отвергаться некоторыми

²³ В «Капитале» (Т. 3. Гл. 52) приводятся три класса. Более длинные списки классов содержатся в «Манифесте Коммунистической партии» и в статье «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта».

²⁴ «Каждая форма общества имеет определенное производство, которое определяет место и влияние всех остальных производств и отношения которого поэтому также определяют место и влияние всех остальных производств. Это — общее освещение, в котором исчезают все другие цвета и которое модифицирует их в их особенностях» (Маркс К. Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 гг.) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 12. С. 733). Ср. очень простой подход Зомбарта: класс — «это социальная группа, индивидуальные члены которой являются представителями той или иной экономической системы» (Sombart W. Socialism and the Social Movement. P. 1–2; Зомбарт В. Социализм и социальное движение в XIX в. СПб., 1902).

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 4. С. 434; ср. суровую критику Марксом Готской программы за ее неспособность осознать революционный характер буржуазии.

²⁶ Маркс К. Нищета философии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 4. С. 183; Манифест Коммунистической партии. С. 433.

наемными рабочими и приниматься некоторыми членами буржуазии²⁷. Конечная социальная дихотомия не предполагает, что каждый является либо капиталистом, либо наемным рабочим; она означает, что отношение между этими двумя функциональными группами имеет настолько решающее влияние на экономическую жизнь всего общества, что каждый, даже если не вовлечен в это напрямую, вынужден так или иначе принять установку в отношении данного взаимоотношения и слиться с классом, к которому он, по объективным критериям, не принадлежит²⁸.

А потому неудивительно, что, когда Маркс, наконец, попытался дать своим классам определение и перечислить их признаки, он стал безнадежно спотыкаться. Глава, в которую Энгельс вставил свои примечания, так и не была закончена, однако ее вполне достаточно, чтобы показать, что он прямоком шел к крушению, и его это не смущало. То, что он не смог определить свои группы или даже доказать их существование, почти ничего не значило: у него не было никаких сомнений по поводу реальности этих социальных сил. Даже в Англии расслоение не обнаруживалось в чистом виде, но, как он пишет, «это безразлично для нашего исследования»²⁹.

В этом отношении, следовательно, существует сходство между методом Маркса и тем методом, который я попытался описать выше, однако сам предмет трактуется при этом по-разному. Недостаточно сказать, что у Маркса классы экономические, а у меня социальные, у него связанные с производством, а у меня главным образом с потреблением, у него связанные с деятельностью, рассматриваемыми как средства, а у меня с деятельностью, рассматриваемыми как цели, хотя все эти суждения содержат в себе элемент истины.

Различие между ними не стало бы несущественным, даже если бы мы согласились с тем, что Маркс, несомненно, утверждал бы, а именно с тем, что мои классы — всего лишь незначительный побочный продукт его классов. Они не стали бы вследствие этого недостойными анализа. Но есть, на самом деле, между нашими методами очень важное качественное различие. Принимая предложенную терминологию, мы можем сказать, что мои социальные классы — это идентификационные группы, существующие ради внутренних контактов, которые эта идентичность делает возможными.

²⁷ Ср.: Манифест Коммунистической партии. С. 433–434.

²⁸ Ср.: Commons J.R. Is Class Conflict in America growing and is it Inevitable? // American Journal of Sociology. Vol. XIII. P. 756. По оценке Джона Коммонса, более двух третей занятых мужчин в США являются «зрителями» в классовой борьбе, однако значимость конфликта не может быть измерена числом людей, в него втянутых.

²⁹ Маркс К. Капитал (Т. III. Гл. 52) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 25. Ч. II. С. 457. Ср. суждение Кули о классах в Америке: «Конфликт классовых интересов есть в значительной степени не конфликт людей, а конфликт идей в общей социальной среде». Cooley C.H. Social Organisation. P. 242.

Классы Маркса, напротив, — идентификационные группы, представляющие двух членов взаимной пары и использующие идентичность как средство для оказания влияния на взаимоотношение, создающее эту пару. У него классы отмечены всеобъемлющей важностью внешних контактов, которые на самом деле являются единственной причиной их существования. У меня же они отмечены относительным отсутствием таких контактов и относительной самодостаточностью подобной группы с точки зрения ее целей. Граница между моими классами определяется установкой сравнения, в которой распознаются качественные различия. Граница между его классами определяется в категориях функционального взаимодействия.

Соблазнительно поискать аналогии между этим различием и различием между немецкими понятиями *Stand* и *Klasse*, которые обычно переводятся как «сословие» (*estate*)* и «класс». Вернер Зомбарт говорит, что сословия связаны органически, а классы — механически. Сословие считает себя членом широкого целого, интересам которого оно служит. Класс в отношении общества в целом является своекорыстным, разрушительным, испепеляющим, преследующим собственные интересы невзирая на другие группы³⁰.

Другие авторы полагают, что сословия сотрудничают, а классы конфликтуют, и что сословие, проявляя открытый социальный антагонизм, превращается в класс. Рабство остается сословием, или социальным положением, до тех пор, пока рабы не восстанут³¹. Такая классификация кажется мне неверной; она прячет от глаз действительно значимые различия между типами групп, рассматриваемыми в этом конкретном аспекте их функциональной взаимосвязи. Тут можно разграничить три понятия. Во-первых, есть функциональная группа, которая является самодостаточной для выполнения собственной функции и находится в силу этого в определенном взаимоотношении не с какой-либо другой группой, а с сообществом в целом.

Примеры таких групп можно обнаружить в старогерманской рифмовке — *Lehr-*, *Wehr-* и *Nährstände*, — в многочисленных легендах, находимых в Скандинавии или, скажем, в Персии, в которых эти группы изображаются как

* И немецкое *Stand*, и соответствующее ему английское *estate* имеют двойное значение, обозначая как «сословие», так и в широком смысле «общественное положение». Здесь оба эти смысла слиты воедино. — Прим. перев.

³⁰ *Sombart W. Moderne Kapitalismus. Bd. II (2). S. 1091–1093 (Зомбарт В. Современный капитализм. Т. 1–2. М., 1903; Т. 3. М.—Л., 1930).*

³¹ *Tönnis F. Loc. cit.; Bauer-Mengelberg K. Stand und Klasse // Kölner Vierteljahrshefte für Soziologie. Bd. III. В последней работе утверждается, что Сословная Война возможна при условии, что конфликт разгорается не по поводу места каждого сражающегося в социальном организме, а по поводу природы социального организма как такового.*

³² См.: *Sombart W. Moderne Kapitalismus. Bd. II (2). S. 1092. «Sie verdanken ihre Entstehung einem natürlichen Schöpfungsvorgang»* [«Они обязаны своим происхождением естественному процессу творения»].

природные существа, обладающие физическими различиями³²; в современном обществе их близкий аналог обнаруживается в профессиях, хотя они имеют более очевидный ассоциационный характер. Вместе они образуют конфигурацию общественного сотрудничества, а вопрос о том, приемлемы ли условия сотрудничества для всех членов, является второстепенным.

Во-вторых, есть функциональные группы, существующие лишь благодаря их функциональному взаимодействию с другой группой. Именно через это взаимоотношение выполняется их производительная функция. Каждое взаимоотношение создает пару, и ни одна пара не равна в своей совокупности всему сообществу. Это классы в марксистском смысле, и я бы включил сюда не только капитал и труд, землевладельца и арендатора, но и (вопреки утверждению фон Мизеса³³, что это не производственное отношение) господина и раба. Одна группа может соединять в себе оба качества, и так явно обстояло дело в средневековом представлении о классе рабов.

Вероятно, анализ установок во время Всеобщей стачки обнаружил бы схожую комбинацию идей. Отношение между трудом и капиталом имеет настолько универсальное значение, что его легко путали с отношением труда как функционального положения (*estate*) с сообществом в целом. В силу этого забастовщикам было трудно поверить, что кто-то может честно считать, что сообщество существует как третья сторона.

Наконец, есть социальные классы, которые я обсуждал, и они вообще не базируются на функциональных взаимоотношениях. Каждый, кто прочтет маленькое эссе Зомбарта «*Пролетариат*»*, сразу сможет увидеть, что в нем рассматривается этот третий аспект класса, а не функциональный аспект, являющийся главной темой больших трудов этого автора. Исследование этого аспекта, помимо прочего, выявляет дальнейшие расслоения внутри класса наемных рабочих, который в марксистском анализе предстает как гомогенная единица.

В случае буржуазии не только обнаруживается схожее подразделение, но и выясняется, что единство, которым обладает буржуазия как социальный класс, не вытекает напрямую из отношения между капиталом и трудом. Капиталисты, в смысле владельцев собственности, проявляют общие свойства, если исследовать их в терминах социального класса, но эти общие свойства вытекают не из того, что капитал обладает властью над трудом, и прежде всего не из того, что капитал пожинает доход, но скорее из того, что собственность, даже небольшая, дает безопасность, страховку от неудачи и свободу к новым авантюрам, культивируя тем самым чувство собственности на цивилизацию и независимости от статуса, которое позволяет правительст-

³³ *Von Mises L. Die Gemeinwirtschaft. S. 322–324.*

* *Зомбарт В. Пролетариат. М., 1907. — Прим. перев.*

вам казаться слугами, а не хозяевами, а институтам — средствами обеспечения свободы, а не рабства.

Я предлагаю эти соображения в качестве предварительной гипотезы в надежде на то, что они помогут направить и прояснить работу по детальному исследованию, и в частности для того, чтобы вступить в бой с представлениями, будто класс (вследствие трудностей с идентификацией классов) не существует и будто бесчисленность классов (обусловленная многочисленностью возможных оснований классификации) уводит в трясину, из которой бедному путнику нет никакой надежды выбраться.

Перевод с англ. В.Г. Николаева

ДЖ. МАРЧ, Г. САЙМОН

ОРГАНИЗАЦИИ¹

Глава 5. КОНФЛИКТ В ОРГАНИЗАЦИЯХ

Термин «конфликт» многозначен. В самом общем смысле этот термин обозначает нарушение в стандартных механизмах принятия решений, при котором индивидуум или группа испытывают сложности в выборе альтернативы действия. Здесь мы будем придерживаться именно этого общего определения. Таким образом, конфликт происходит тогда, когда индивидуум или группа сталкиваются с трудностями в принятии решения. Дадим краткое вводное определение различных видов конфликтов с точки зрения модели принятия решений, описанной нами ранее.

Мы можем выделить три класса конфликтных явлений: (1) индивидуальный конфликт: конфликт, связанный с принятием решений индивидуумом; (2) организационный конфликт: конфликт между индивидуумами или группами в организации; (3) межорганизационный конфликт: конфликт между организациями или группами. В целом эти три класса конфликтов основываются на довольно разных базовых механизмах, хотя и имеющих нечто общее.

Главный интерес для нас представляют второй класс — организационные конфликты. Однако мы также попытаемся высказать ряд общих утверждений о других классах. Мы не можем полностью игнорировать индивидуальные конфликты, поскольку в основе одного из типов организационных конфликтов лежат проблемы, связанные с принятием решений индивидуумом. Не можем мы полностью игнорировать и межорганизационный конфликт, поскольку в более крупной организации конфликт между группами происходит часто.

Наша цель в данной главе — рассмотреть три основные черты конфликта: (1) В каких обстоятельствах возникает конфликт? Мы хотим получить возможность прогнозировать, когда и где будут возникать организационные или индивидуальные конфликты. (2) Каковы реакции индивидуумов и организаций на конфликты? В общем, мы ожидаем, что реакцией на конфликт будет попытка разрешить его, и хотим получить возможность предсказывать, какова будет форма этой попытки. (3) Каков выход из конфликта? В частно-

Продолжение. Начало см. в предыдущих выпусках.

¹ Перевод выполнен по изданию: *March, James G. Organizations*, by James G. March, Herbert A. Simon with the collaboration of Harold Guetzkow. N.Y., 1958. — 262 p.